

Солдат и человек

Сегодня исполняется 110 лет со дня рождения прославленного советского военачальника, дважды Героя Советского Союза, Маршала, Почетного гражданина города Гомеля Константина Константиновича РОКОССОВСКОГО

Его любили бойцы и полюбила вся страна, признавали и уважали наши союзники, знали и боялись враги. Еще при жизни о его полководческом таланте слагались легенды.

Кто он? Сверхчеловек, одаренный незаурядными способностями, всенародный любимец, к которому даже Сталин обращался по имени-отчеству, баловень судьбы, прошедший через три войны и три ранения и оставшийся в живых, три года отсидевший в сталинской тюрьме, а после — восстановленный в воинском звании. Маршал Победы!

Из воспоминаний генерала Батова: «Мы имели возможность убедиться, как хладнокровен и невозмутим этот человек. Его самообладание вызывало изумление. Эти качества благотворно влияли на всех работников штаба, создавая атмосферу уверенности, внося четкость и организованность в его боевую деятельность, в руководство войсками. Это же передавалось по каким-то невидимым нитям подчиненным. В его присутствии никак нельзя было проявить признаки беспокойства или, что еще хуже, растерянности».

Среди бойцов и офицеров авторитет Рокоссовского был очень высоким. Его любили. И было за что.

Солдаты были уверены, что их не бросят в бой до той поры, пока командующий не изучит до деталей обстановку, не разберется в ситуации, не взвесит все «за» и «против» в грядущем сражении. И только будучи уверенным в успехе, даст команду: «В атаку!».

В дни тяжелых битв он был в траншеях среди солдат.

Что это? Игра со смертью?

Идет генерал по траншее, не нагибая голову, — в блестящей

генеральской фуражке, и его чисто выбритое лицо спокойно, словно он на прогулке в Сокольниках или в Серебряном бору.

Лихачество, оставшееся с тех давних пор, когда бравый унтер-офицер драгунского полка на коне мчался в кавалерийскую атаку?

Нет, все гораздо проще и гораздо значительней. Генерал Рокоссовский понимал, как важно в изнурительных боях поддерживать у бойцов переднего края веру в свои силы, в силу нашей армии, закалять их боевой дух. Своим присутствием на линии огня он старался показать бойцам: «Не трусь! Не так страшен враг».

Во время ожесточенных боев в районе Ярцева генералы Рокоссовский и Камера находились на огневом рубеже. В это время гитлеровцы под прикрытием авиации и артиллерийского огня неожиданно бросились в атаку. Не выдержав вражеского натиска, наши бойцы дрогнули. Началось беспорядочное отступление. Как быть? Времени для долгих размышлений не было. И генералы приняли решение личным примером остановить отступающих.

Прошло несколько томительных минут, и послышались вначале робкие, потом все более настойчивые голоса: —

Куда бежишь? Видишь, генералы стоят, а ты?

Остановился один, другой, десятый... Беспорядочное отступление прекратилось. Бойцы залегли. Вражеская атака захлебнулась.

В самые тяжелые дни генерал Рокоссовский был на передовой. Ночевал в палатке или просто под сосной, положив под голову офицерскую сумку или противогаз, ел из солдатского котелка, делил с бойцами все тяготы и опасности фронтовой жизни.

— Дайте-ка, товарищ боец, я вместо вас тут подежурю.

Боец с недоумением смотрел то на генерала, который спокойно и деловито располагался в его ячейке, то на своего

командира взвода, даже вспотевшего от присутствия на передовой высокого начальства.

«Рокоссовский остался в ячейке один. Впереди были гитлеровцы, они вели редкий и непрекращающийся огонь. Не ровен час, могут броситься в атаку. Ему стало жутковато, ему, человеку уже не раз выдавшему смерть в глаза, знавшему по своему опыту, что такое бой.

А как себя чувствует, попав в такую ячейку-яму, молодой, еще не обстрелянный солдат?

Плохо себя чувствует!

Рокоссовский понял: нужна траншея, а не ячейка! Боец должен всегда знать, что он — частица единого боевого коллектива, где один за всех и все за одного».

Трудно поверить, но за всю свою воинскую службу, как признался Константин Константинович своему адъютанту, он не наказал ни одного подчиненного.

Из воспоминаний генерала Батова: «Командир артиллерийской бригады полковник Прохоров убил зубра (в нарушение приказа по фронту). Командующий фронтом потребовал предать полковника суду Военного трибунала. Комбриг был храбрым, талантливым артиллеристом, и мне жаль было терять такого офицера. Честно признаюсь, покривил душой перед Рокоссовским. Сказал, что назначу время. Прошло несколько дней. Артиллерийская бригада Прохорова отличилась в боях, и тогда удалось упротить ограничиться выговором».

Воевавший под командованием Рокоссовского на Курской дуге генерал Пухов с благодарностью отзывался о своем командире за его спокойную распорядительность в этой операции: «У разных начальников, больших и малых, обращение с людьми бывает различное, выражение недовольства или одобрения проявляется по-разному. Товарищ Рокоссовский был неизменно тактичным, корректным, независимо от обстановки. Даже во время самых тяжелых боев мы получали от него спокойную оценку действий и ободряющие указания».

Для любого человека война является самым суровым испытанием. А

для командира она становится и самой строгой проверкой его деловых качеств, его права руководить людьми.

«Все мы командармы, командиры и политработники с полным основанием считали службу с Рокоссовским большой и хорошей школой...»

Редкая личная храбрость, необыкновенное человеческое обаяние удачно сочетались в нем с творческим трезвым умом, энергией, решительностью, требовательностью, — отмечал генерал Батов. — И это не мешало ему с душой и вниманием вникать в каждодневные заботы подчиненных».

— Хотел поругать вас, зачем воду из ручья пьете, да вижу, таких богатырей бацилка с ног не собьет, — обратился командующий фронтом к группе танкистов. Завязалась одна из тех душевных бесед, которые приносят огромное чувство удовлетворения. Прощаясь, Рокоссовский спросил:

— Какие у вас ко мне будут вопросы, товарищи?

Вперед протиснулся шофер, замызганный и замасленный до крайности.

— Товарищ командующий, прикажите дать вторую пару обмундирования вместо спецовки... В чем под машиной лазаешь, в том и в строй.

— Сделаем.

Не всегда просто складывались отношения с подчиненными. Воевавший под его командованием генерал Горбатов был человеком резким и прямолинейным:

«Чтобы избежать напрасных потерь, мы решили перейти к обороне, но с этим не был согласен командующий фронтом.

Он категорически требовал продолжать наступление на Бобруйск. Мы впервые разошлись во мнениях с таким авторитетным и уважаемым в войсках человеком. Я побаивался, что после этого у нас с Рокоссовским испортятся отношения. Но не таков был Константин Константинович. Командующий фронтом по-прежнему ровно и хорошо ко мне относился».

«Я прочитал жалобу Горбатова и направил в Ставку — вспоминает Рокоссовский, — поступок Александра Васильевича только возвысил его в моих глазах. Я убедился, что это удивительно

солидный, вдумчивый военачальник, душой болеющий за дело».

Бойцы не раз убеждались, что генерал Рокоссовский — личность незаурядная. В тяжелые для Родины дни, попадая в критические обстоятельства, он всегда принимал самые верные решения. Хотя это не всегда понимали представители Ставки.

«Обращаясь ко мне в присутствии Говорова и моих ближайших помощников, Жуков заявил: «Что, опять немцы вас гоняют? Сил у вас хоть отбавляй, а вы их использовать не умеете!.. Вот у Говорова противника больше, чем перед вами, а он держит его и не пропускает. Вот я его привез сюда, чтобы научил вас, как нужно воевать». Выслушав это заявление я с самым серьезным видом поблагодарил комфронтом за то, что предоставил мне и моим помощникам возможность поучиться, добавив, что учиться никому не вредно».

Но в книге воспоминаний Георгий Константинович о боевом товарище совсем другого мнения: «Рокоссовский был очень хорошим начальником. Блестяще знал военное дело, четко ставил задачи, умно и тактично проверял исполнение своих приказов.

Хорошо знавший Константина Константиновича маршал Баграмян считал, что Рокоссовский счастливо сочетал природный ум, удивительное трудолюбие, твердость убеждений, выдающиеся организаторские способности, дар полководца и мужество солдата.

Ну, а сам Маршал Победы был убежден: «Как бы ни был талантлив военачальник и полководец, как бы ни был хорошо разработан план операции, судьбу ее в конечном итоге решают солдаты».

Книгу своей боевой жизни, по фрагментам которой написана эта статья, Константин Константинович назвал «Солдатский долг». Ну а наш долг - не забывать солдат войны, одним из которых был Рокоссовский.

Маршал К.Рокоссовский (слева), генерал Л.Свобода и маршал Г.Жуков.